

В.П. Вирская

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

Вторая половина 1980-х - начало 1990-х годов охватывает этап перестройки, в котором наиболее полно проявилась новая политическая атмосфера открытости, гласности, плюрализма. Динамизм политической жизни в этот период не мог не сказаться на трансформации исторических парадигм. В этом контексте особый интерес представляют дискуссии по проблемам истории советского общества, которые развернулись на страницах периодических изданий и стали своеобразным феноменом перестройки. В них отразились попытки осмыслить современное состояние и новые тенденции развития исторической науки и вытекающих из нее преобразований в сфере исторического образования.

Несмотря на то, что участники дискуссии 1986–1991 гг. были авторами не исторических монографий, а скорее всего историко-философских эссе, поднятые в них вопросы были содержательными и новыми, поэтому находятся в центре внимания настоящей статьи.

Тема требует рассмотрения всех дискуссий как источников для историографического анализа. Это, *во-первых*, источники диалогического типа, характеризующие диалог между властью и научной корпорацией историков по проблемам исторического прошлого; *во-вторых*, полемические статьи историков-профессионалов, литераторов и публицистов по проблемам исторической науки и образования; *в-третьих*, материалы “круглых столов” с участием широкого круга представителей общественности: преподавателей вузов и школ, управленческих работников народного образования, политиков и ученых.

В СССР деятельность профессиональных историков была ограничена тесной связью с руководящей идеологией сталинского марксизма. Эта связь и жесткий контроль со стороны Главлита, выражавшийся в цензуре интеллектуальной жизни, создали низкую репутацию советских историков у широкой общественности. В особенности это касается истории XX в., для которой историки компартии установили порядок исследований и область допустимых интерпретаций. Поэтому, прежде всего, требовалось открытое признание партийно-государственным

ИСТОРИЯ

руководством того факта, что советская историческая наука не отвечает новым общественным задачам.

Задачи советских историков кратко, но четко определил XXVII съезд КПСС: «Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит перестройку, выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед».¹

На первом этапе дискуссии проходили в основном в рамках социо-культурного подхода с акцентом на культурно-воспитательной функции науки, формирующей и поддерживающей систему значимых для общества ориентаций. Различие в позициях историков определялось тем, как решался вопрос о *соответствии-несоответствии* науки проводимым в обществе преобразованиям.

Раньше других черты определенности получила позиция, изложенная в статьях и выступлениях таких историков, как М.П. Ким, И.И. Минц, А.О. Чубарьян и др. В соответствии с призывами партии эти историки стремились приблизить историю к правде жизни, активизировать разработку актуальных проблем современности и прошлого, в ходе возродившихся дискуссий усилить работу по социалистическому воспитанию общества и прежде всего молодежи.²

Новые задачи, сформулированные партийным руководством, были восприняты ими как очередная корректировка политического курса, вызванная прежде всего переменами в верхних эшелонах власти, и не затрагивающая основ существования советского общества, советской исторической науки, а значит, и исторического образования.

История всегда была и остается полем острой идеологической борьбы. Но, пожалуй, никогда еще вопросы истории не имели такого актуального, можно сказать, социального значения, как в ходе перестройки. В эти годы высказывания историков обладали большим влиянием, чем речи политических лидеров. Осенью 1988г. газета «Правда» опубликовала важные серии статей В.А.Козлова, Г.Бордюгова, Л.Лельчука и др., посвященные вечно незаконченной истории партии.³

Конкретизация и развитие этих лозунгов стали для выразителей данной позиции доказательством понимания современности исторической науки как ее соответствия новым партийным установкам. Они признавали высокий уровень советской исторической науки, позволявшей эффективно решать встающие перед историей задачи.⁴

Статьи такого рода часто публиковались на страницах общественных, научно-теоретических и методических журналов и газет. Среди них несомненное лидерство принадлежало журналу «Вопросы истории», редколлегию которого возглавлял А.Искандеров. В редакционной статье журнала, опубликованной в 1986 г., отмечалось: «Знание истории, правдивый показ исторических судеб народа – одна

из важнейших составных частей политики перестройки, процесса социального и нравственного обновления, углубления демократии и гласности». ⁵

Партия все активнее призывала историков принять участие в ответственном политическом строительстве. Это рассматривалось не только как большое доверие, но и как большой спрос. Двойной – со школьных учителей и вузовских преподавателей, которые формируют диалектико-материалистическое мировоззрение в процессе преподавания истории. При этом, естественно, их работа должна была опираться на «стройную марксистско-ленинскую теорию политической культуры» в духе формационной методологии. ⁶

В материалах февральского (1988г.) Пленума ЦК КПСС, обсудившего ход перестройки средней и высшей школы, впервые была поставлена задача комплексного преобразования системы просвещения как целостного социокультурного института в органической взаимосвязи всех его компонентов: «Нет никакого сомнения: все, что касается школы, образования и воспитания, - отметил в своей речи М. Горбачев, - напрямую связано с развитием социализма, с перестройкой». ⁷

Признание Горбачева, что и партия несет ответственность за приверженность «командно-административной» системе», прозвучало как призыв к ревизии истории, а также было одновременно и призывом к обществу обратиться к своей совести и покаяться в прошлых грехах. Поэтому вторая позиция, оформившаяся в этот же период, может быть охарактеризована как «ревизионистская». Историки пытались дать ответ на вопросы, связанные с революционным обновлением социализма: что представляет собой социализм как система, почему после семидесятилетнего социалистического строительства встала задача коренной революционной перестройки общества, от каких деформаций предстоит избавляться, были ли полностью реализованы ленинские принципы социалистического федерализма. «Ревизионисты» признавали наличие определенных деформаций в развитии советской исторической науки, порожденных недостатками партийного руководства наукой. Эти недостатки определялись по-разному: политизация и идеологизация всех сфер общественной жизни, установление жесткого контроля над профессиональной деятельностью, ограничение доступа к современному информационному пространству, насаждение искаженных этических норм и т.д. Но главным недостатком, на их взгляд, был необоснованный запрет на пользование архивами, что привело к образованию в исторической науке целого ряда «белых пятен». ⁸

Обосновывалась мысль о том, что исходным пунктом обновления исторической науки и образования является диалектическое осмысление существенных ценностей и деформаций реального социализма, а значит переоценки событий и личностей закономерны: слишком много было

ИСТОРИЯ

«запретных зон» и «белых пятен» в недалеком прошлом и слишком долго о них молчали.

Исторический «ревизионизм» ввел в широкий научный оборот категорию тоталитаризма, что, однако, в общественно-политических дискуссиях не вызвало равного по силе критического переосмысления этой категории.

Признание деформированности становилось косвенным признанием несовременности отечественной исторической науки, потому что деформированная наука не может адекватно воспринимать и тем более удовлетворять требованиям меняющегося общества. Таким образом, обретение качеств своевременности связывалось этими историками с устранением деформации исторической науки.⁹

Наиболее противоречивые отношения к современности сложились у группы историков, за которой в историографии уже закрепилось название «радикально-либеральной». По их мнению, необходимо было не исправлять деформации, а менять сами основания исторической науки.

Несмотря на все крайности, допущенные «радикализацией» исторических дискуссий, прорыв был достигнут статьей Игоря Клямкина «Какая улица ведет к храму?», которая предваряла важные дискуссии истории до и после 1917 года. Рансе непроходимая граница 1917 года была преодолена, и теперь историки оказались перед трудно поддающимися вопросами, связанными с отношением советского периода к его дореволюционному прошлому.¹⁰

Первым об этом открыто заявил Юрий Афанасьев, бывший ректор государственного историко-архивного института, стоявший на передовых позициях, этим он внес ощутимый вклад в пересмотр истории России XX века.¹¹ Проблему террора он объясняет следствием бюрократического стремления к неограниченной власти и российской отсталостью, взяв тем самым под сомнение продуктивность намеченных путей «исправления деформаций». Это дает основание расценивать «радикальные» публикации как вызов «горбачевской революции сверху».

Несомненно, направленность дискуссий объяснима также тем фактом, что на рубеже 1980 – 1990-х гг. осознание завершенности периода протекало одновременно под знаком окончания холодной войны, крушения коммунистических режимов в Восточной Европе и распада Советского Союза.

По своей сути они были радикальной реформой, которая отрицала старую модель социализма, а не просто реформу внутри страны. Кроме того, они оспорили тезис о том, что критика культа личности Сталина качественно изменила природу советского социалистического общества. Представление о непреодоленности сталинизма в общественных отношениях логично распространялось и на

представление о господстве концепции «Краткого курса» в исторической науке, особенно в истории советского общества.¹²

В 1988-1989 гг. издан ряд сборников, раскрывающих, пока еще фрагментарно, сущность и значение важнейших периодов истории советского общества, рассказывающих о тех, чьи имена возвращены истории. В них отразились разные точки зрения на одну и ту же проблему, не совпадающие оценки событий и людей. Это свидетельствовало о продолжающемся научном поиске и все более входящем в жизнь плюрализме мнений.¹³

В оценке науки и современности как непреодоленного прошлого, позиции данной группы историков сближались с позициями публицистов, которые с самого начала играли главную роль в определении условий дискуссий. «Но как разведка предшествует наступлению, так публицистика предшествует науке». – подчеркнул политический обозреватель А. Бовин в указанной выше статье. Они признавали марксизм несостоятельной теоретической концепцией исторического познания, тем самым обосновывая представления об искаженных критериях научности в историческом исследовании.¹⁴

Профессиональные историки медленно реагировали на призывы Горбачева применять «новое мышление» по отношению к прошлому, хотя в речи, посвященной 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, он ясно обозначил связь между планом реформ и пересмотром широко распространенных фактов о сталинском прошлом.¹⁵

Задолго до того, как исследователи-профессионалы занялись вопросом Сталина, пьесы Михаила Шатрова и фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», а также публикация ранее запрещенных произведений Василия Гроссмана, Александра Солженицина, Михаила Булгакова и Андрея Платонова. вызвали в средствах массовой информации очередную волну полемики.¹⁶

Именно художественные произведения показали, пусть и фрагментарно, нюансы и парадоксы жизни при Сталине.

Несмотря на то, что они не исследуют вопрос о происхождении сталинизма, они сыграли огромную роль переориентации дискуссий на исторические темы, в которых участвовали представители интеллигенции и широкая советская общественность. Вокруг пьесы М. Шатрова развернулись яростные споры по коренной теме: «Социализм по Ленину – да, по Сталину – нет!». Драматург задается вопросами: почему на сцену истории вышел Сталин и что его сделало таким? Можно ли считать Сталина крупным историческим или крупным социалистическим деятелем?

Следствием моральной и психологической проблемы, с которым столкнулось советское общество при их обсуждении, стали дезориентация и невозможность создания новых концептуальных моделей, чтобы объяснить истоки, причины, и последствия сталинизма. Писатель

ИСТОРИЯ

Константин Симонов, один из бывших сталинистов, порвавший с прошлыми убеждениями после 1956 г., с большой выразительностью описал процесс “прозрения”. Уже тогда оставшиеся в живых старые большевики начали отделять ленинизм от сталинизма и тем самым сформировали альтернативные социалистические платформы.¹⁷

Совокупное влияние этих факторов вызвало бурную эволюцию дискуссий о Сталине и появление в советской истории широкого диапазона взглядов на сталинизм. Хотя Горбачев вначале и неохотно произносил слово “сталинизм”, предпочитая подменять его другими, вроде “командно-административная система”, все-таки и его производный синоним “сталинщина” все чаще упоминался в дискуссиях. Публикации о разоблачениях сталинского периода отразили рост политической борьбы в обществе. Ее участники относятся как к крайне правым, так и к крайне левым и сегодня легко определяются в постсоветском пространстве. Тогда же плюрализм мнений превратился в острое идеологическое противостояние, в центре которого оказался сталинизм. Споры о том, какое место в истории XX века занимает Сталин, разделяли историков, политиков, публицистов, – всех, кто хотел составить собственное мнение о Сталине и его времени.¹⁸

В истории борьбы за десталинизацию и общественное обновление особый след оставили события 1988 года, когда острая идеологическая схватка в печати закончилась поражением консервативных сил. Речь идет о письме Нины Андреевой в газете “Советская Россия”¹⁹ и об ответном критическом выступлении газеты “Правда”.²⁰

В этом плане показательна позиция члена-корреспондента АН СССР В.И. Касьяненко: “Полностью поддерживая принципиальную позицию редакционной статьи газеты “Правда” от 5 апреля 1988 года в оценке антиперестроечных тенденций, – говорится в письме ведущих советских историков, опубликованном 24 апреля 1988 г. в “Правде”, – мы призываем к консолидации созидательных усилий советских людей, направленных на дальнейшее совершенствование социализма, на конструктивное обновление общества”.²¹

Далее ученый заостряет внимание на сообщениях Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и в начале 50-х годов. Особо подчеркивалось, что Комиссия привлекает к непростой работе по реабилитации группу историков. Эта информация получила широкий отклик у общественности, что, в свою очередь, вызвало среди части историков растерянность, возникла даже боязнь “раскачать лодку” и “подорвать устой”.²²

Дискуссия о сталинизме достигла определенной кульминации в опубликованном историко-публицистическом собрании эссе в двух томах “Иного не дано” и “Осмыслить культ Сталина”. Авторы этих работ представляют широкое разнообразие политических платформ, взглядов и

ведут спор об истоках и последствиях сталинизма.

Содержание двух томов демонстрирует как высочайший уровень достигнутого, так и границы дискуссии. Почти все авторы пишут об истоках и последствиях сталинизма, но только немногие считают необходимым дать определение или обсудить само явление сталинизма.²³

С 1989 года и в течение 1990 дискуссии о Сталине переместились на другие позиции: появляются работы, в которых исторические науки рассматриваются в свете борьбы сталинизма и ленинизма. Например, Василий Селюнин написал одну из первых статей, касавшихся вопроса ответственности Ленина за трагедию советской истории.²⁴

Наиболее убедительно характеризуют триумф Сталина в конце 1920-х как антиленинский политический переворот Отто Лацис, а также Г. Лисичкин, который защищает Ленина и ленинский марксизм от Сталина и пытается доказать, что Сталин извратил марксизм.²⁵

Некоторые публицисты и историки, отвергающие советский эксперимент, пытались найти причины ленинизма и сталинизма в периоде до 1917 года. Например, Александр Ципко определяет сталинизм как ультралевой радикальный утопизм.²⁶ Он не согласен с теми, кто рассматривает сталинизм как естественное проявление общественной и культурной отсталости, и справедливо доказывает, что истоки сталинизма надо искать в ультралевой политической культуре рабочего класса, городского населения и левацкой интеллигенции. Поэтому он переносит центр своих осторожных доводов о личности Сталина и российской авторитарной традиции на политическую культуру большевиков, сформировавшуюся во время гражданской войны и в течение 1920-х годов. В целом автор не видит никаких шансов появления в СССР "гуманного" социализма.

С учетом вышеизложенного выясняется, что в условиях социально-политического кризиса второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., публикации и дискуссии отражают, во-первых, процесс осмысления несоответствия сформировавшейся исторической науки переменам в общественных настроениях; во-вторых, влияние общественности, требующей, чтобы историки вели диалоги с обществом по вопросам, актуальным не для партийного руководства и не для самой корпорации.

"Чему учить? Как учить? Кто будет учить?" - не получая от ученых аргументированных ответов на эти и многие другие вопросы, историческое образование оставалось предельно неэффективным.²⁷

Во все времена школа была моделью общества, в ней отражались его достоинства и пороки. "В течение десятилетий общество не было заинтересовано в том, чтобы оканчивающие школу знали историю. Вместо фактов насаждались мифы, формирующие классовый подход" - отметил А. Искандеров.²⁸

Начало осуждению вопроса о перестройке исторического образования положили статьи Н.Н. Лысенко, П.К. Лепика и Ыйсыу, в которых

ИСТОРИЯ

прозвучали предложения о необходимости срочно начать публикацию историографических обзоров, информировать о разрабатываемых концепциях и научных теориях.²⁹

Без знания истории нельзя понять настоящее и предвидеть будущее – привычные сегодня тезисы тогда звучали почти революционно. Выражением революционного осознания принципиально новой ситуации в стране стала школа: она пыталась преодолеть “научные” стереотипы, связанные с “Кратким курсом” истории ВКП (б).

Особенность ситуации, в которой оказался школьный учитель, проявилась, в том, что не удовлетворявшийся спрос на достоверную историческую информацию нашел отклик в публикациях и создал проблему ориентации в потоке полярных мнений и оценок.

Семнадцатилетние подростки, изучавшие историю советского периода, были информированы о спорах, ведущихся в прессе и других СМИ, поэтому воспринимали официальную информацию крайне скептически. В 1988-1989 гг. в рамках целевой программы “Общественное мнение” был проведен ряд социологических исследований. Таблица 1 позволяет проследить, как изменялось восприятие истории СССР старшеклассниками в течение одного года.

Таблица 1.

Высказывания	Время проведения опросов		
	ноябрь 1988 г.	октябрь 1989 г.	декабрь 1989 г.
История СССР – это история великого народа, в которой ошибки неизбежны: мы первопроходцы к коммунизму.	25	14	11
Проблемы истории, о которых сегодня говорят, надуманны: страна шла по единственному пути, которому не было альтернативы.	2	3	3
История страны переживала трагические времена, но путь перестройки обнадеживает.	45	64	32
История страны – это цепь трагических ошибок, которые завели страну в тупик, и выхода из него нет.	19	13	46
Не знаю	5	6	5

В эти же годы в массовом сознании все более укоренялись представления о вариативности исторического пути. Они отразились в результатах опроса (апрель 1989 г., см. таблицу 2).³¹

Таблица 2.

Событие	Путь выбран правильно		Был иной путь	
	Студенты	Преподаватели	Студенты	Преподаватели
Революция 1905 г.	41	67	13	8
Февральская революция	51	81	13	7
Великая Октябрьская революция	59	67	25	22
Политика военного коммунизма	40	50	24	35
НЭП	61	85	12	6
Образование СССР	41	56	19	16
Коллективизация	11	13	36	46
Индустриализация	31	31	18	21
Великая Отечественная война	43	44	35	36
Реформы Хрущева (1957-1961 гг.)	10	16	20	37
Экономические реформы (1964-1965 гг.)	12	26	11	15
Перестройка	66	84	5	4

Констатация неудовлетворительного состояния школьного исторического образования стала общим местом в обсуждаемой проблеме. В качестве аргументов указывалось на нехватку учебно-методической литературы, особенно хрестоматий, карт, атласов, энциклопедий. Отмечались необеспеченность школ педагогическими кадрами и отсутствие программы по их переподготовке. Сложилась типичная для советского общества ситуация: возрастающая активность масс столкнулась со старыми, изжившими себя командно-административными методами руководства. Развитие демократии оборачивалось говорильней и дефицитом критики: лишь в 1988 г. было отмечено 10 тысяч приказов и инструкций, регламентирующих деятельность народного образования.

В конце 1987 г. 38% ректоров советских вузов оценивали результаты перестройки как значительные, через год таких стало 28%, а в середине 1989 г. — только 3%.³²

ИСТОРИЯ

Кризисная ситуация усугубилась в мае 1988 г., когда были отменены школьные экзамены по истории СССР, а новый 1988/1989 учебный год ученики начали со старыми учебниками и без утвержденной программы.

В конце 1988 г. была сделана попытка нового подхода в организации экзаменов по истории СССР и другим общественным наукам: в приказе № 571 от 30 декабря указывалось, чтобы экзаменующиеся имели “безусловное право выражения собственного, хорошо обоснованного мнения, которое может не совпадать с установкой учителя или авторов современных учебников”.³³ Тем не менее, рамки плюрализма были строго ограничены: “Изложение истории с антимарксистских позиций недопустимо в нашей стране” - заявила чиновница из академии педагогических наук.³⁴

Наиболее слабым звеном в системе школьного исторического образования оставались учебники, содержательные и методические параметры которых были отработаны в конце 70-х гг. Резкая критика педагогической общественности, лживых и бездарных учебников получила широкий общественный резонанс, что, несомненно, оказало влияние на принятие коллегией Госкомитета СССР решения об объявлении конкурса на программы и учебники. Конкурсный отбор был призван разрушить авторскую монополию, когда один и тот же, не имеющий конкурентов учебник, долгие годы сохранялся в качестве единственного. Впервые авторским коллективам не навязывалось никакой априорной схемы.³⁵

Уничтожающей критике подверглось стереотипное переиздание в 1988 г. учебника по истории СССР для IX класса, который не отвечал обозначенным перестройкой критериям. В большой спешке был подготовлен вкладыш: 12 ноября сдан в печать, а в середине учебного года поступил в школы. 306 000 экземпляров было достаточно, чтобы обеспечить каждого девятиклассника Советского Союза. Автор заново изложил историю 1921-1941 гг., а также материал о последствиях сталинизма, практически не известных широкой общественности.³⁶ К началу 1989/90 учебного года вышел новый учебник, где излагалась история СССР с 1900 по 1941 гг., с добавлением определенно антисталинских глав о НЭПе и 1930-х гг. Значительная глава учебника была изложена нейтральным тоном, но снабжена ленинистским посланием:

“... Почему же социалистические идеалы не только не были утрачены, но даже упрочились, несмотря на столь серьезные испытания? Потому что народ сделал свой выбор в 1917 г. Первые послереволюционные годы дали народу веру в собственные силы, веру в Коммунистическую партию. Переход к НЭПу показал, что политика построения и развития социализма может и должна быть гибкой и эффективной, учитывая интересы широких народных масс”³⁷

Тот же подход был использован в программе для поступающих в высшие учебные заведения в 1990 году.³⁸ Хотя этот учебник был гораздо более читаемым по сравнению со всеми предшествующими советскими

пособиями, однако его критический анализ уступал накалу публичных дискуссий.³⁹ Авторы заклеили как “антиперестройщиков”, не желающих сходить с позиций “Краткого курса”. Было и другое мнение: пока проблемами сталинизма занимаются публицистика и писатели, а наука не дала его компетентного исследования, временно в выпускных классах ввести курс “Сталинизм, теория, практика”. Прозвучали предложения срочно начать публикации, отражающие современное состояние исторической науки, а также статей проблемного характера, содержащих аналитический материал.

Многие преподаватели продолжали ждать директивных указаний: какие положения марксизма-ленинизма подлежат критике, а какие из бесчисленных идеологических тотемов и табу уже не считаются “ревизионизмом” или “антисоветизмом”.

В этих условиях важным представлялось организовать творческое общение учителей, поэтому корреспонденты и читатели новых рубрик “Исторические диалоги”, “Ученые - школе”, “Диалог с читателем” приветствовали создание Всесоюзной ассоциации преподавателей истории.⁴⁰ Однако критическая направленность последующих публикаций выявляет бездейственность ассоциации как по теоретическим обобщениям, так и по проблемно-теоретическим вопросам.⁴¹

Не произошло заметного перелома и в самой системе народного образования: “Я очень сожалею, что мы не можем предложить достаточно целостную систему перестройки исторического образования в общеобразовательной школе. Давайте соберем все разумные предложения преподавателей и попробуем их использовать при подготовке программы”.⁴² Формой выхода из кризиса стала разработка концепции школьного исторического образования. Вынесенные на обсуждение два варианта, принадлежащие разным авторским коллективам, – факт сам по себе примечательный: “Это подлинный императив школы, впервые после десятилетий тоталитаризма, стремящейся осознать свою собственную социально-культурную функцию”.⁴³ В целом, обе концепции предстали не как альтернативные, а как дополняющие друг друга в постановке задачи и в подходе к содержанию:

- определение базового компонента исторического образования и его специфики по отношению к исторической науке: в какой степени школьный курс может рассматриваться как базовая часть непрерывного исторического образования;

- деполитизация и деидеологизация исторических курсов в реализации учебно-воспитательных задач;

- перенос мировоззренческого компонента на приоритетность общечеловеческих ценностей, на органическое единство мировой истории и культуры;

- преодоление социологического схематизма и определение ряда критериев “цивилизационности”;

ИСТОРИЯ

- обоснование многовариантности исторического процесса, вариативности форм обучения и альтернативности учебных программ и учебных пособий.

Пока в Министерстве образования обсуждались концептуальные проблемы, школа продолжала идти своим "историческим" путем: если частичное обновление структуры и содержание других дисциплин происходило регулярно раз в 5-10 лет, то система изучения общественных наук и истории, не считая дополнений по итогам очередных съездов партии не пересматривалась с 1963 г. Всеобщая история и история СССР изучались с 6 по 11 класс как два отдельных предмета.⁴⁴ К концу 11 класса каждый из курсов хронологически доводился до современности.

Закономерно, что появились более решительные высказывания за самостоятельный курс истории союзной республики и создание национальных программ с включением в них этнических компонентов. В качестве первоочередных задач предполагалось использование историко-краеведческого подхода, ознакомление с археологическими памятниками родного края и усиление роли истории союзной республики в повышении эффективности интернационального воспитания учащихся.⁴⁵

Подытоживая полемические заметки, следует отметить, что наиболее обнадеживающим из всех тенденций является начало отхода от основных парадигм, примененных в ходе изучения советской истории и основанных на директивах правительственных идеологов.

Предстояло обсудить, в какой мере эти парадигмы все еще полезны.⁴⁶

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. – С. 23; Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

2. Ким М.П. О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. 1988. №6; Минц И.И. О перестройке в изучении Великого Октября // Вопросы истории КПСС. 1987. №4; Чубарьян А.О. Опыт мировой истории и идеологии обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989; Наумов В.П. Современная историография Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1987. №5; и др.

3. Козлов В., Бордюгов Г. Время трудных вопросов. // Правда, 1988, 3 сентября, 3 октября; Лельчук Л. Взгляд из глубинки. // Правда, 1988, 7 декабря; и др.; Опенкин Л. Механизм торможения в сфере общественных наук: истоки возникновения, факторы воспроизводства // История СССР, 1987. №4.

4. Менделеев А., Казутин Д. Диалоги о демократии. М., 1988; Кожинов В. Правда и истина. // Наш современник. 1988. №4; Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Аргументы и Факты, 1988, 8 апреля; Тихвинский С.Л. Повышать эффективность научной работы // XXV съезд КПСС и задачи дальнейшего развития общественных наук: Материалы совместной научной сессии Секции общественных наук АН УССР. Киев, 1988.

5. Искандеров А. (редакционная статья) // Вопросы истории. 1986. №11.

6. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988.

7. Материалы Пленума ЦК КПСС, 17 – 18 февраля 1988 г.

8. Материалы "круглого стола" // История СССР 1989. №3; Маслов Н.Н. "Краткий курс истории ВКП (б)" - энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. №11; Волобуев О.В., Кулешов С.А. Очищение: История и перестройка: Публицистические

заметки. М. 1989.

9. Касьяненко В.И. Об обновлении исторического сознания // Вопросы истории, 1989, №12; Кожинов В. Правда и истина. // Наш современник, 1988, №4; Лацис О. Перелом // Знамя, 1988, №6, С. 124-178; Иванова Н. От врагов народа к "врагам нации" // Огонек. 1988, №36

10. Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987, №11

11. Афанасьев Ю.Н. Энергия исторического знания // Московские новости. 1987, №2; Он же. Воспитание истиной // Комсомольская правда, 1987, 1 сентября. Он же. Понять себя сегодняшних: Размышления над письмами читателей // Наука и жизнь. 1988, №1; Уроки дает история // Под. ред. В.Г. Афанасьева и Г.Л. Смирнова. 1989, С. 232-267.

12. Яковлев А. Великая Французская революция и современность // Советская Культура. 1989; Борисов Ю. Политическое развитие страны. Свертывание демократии и его последствия. // Преподавание истории в школе. 1989, №1; Гульбинский Н. Восхождение к "Краткому курсу" // Огонек, 1989, №23.

13. Историки спорят. 13 бесед. М., 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Реабилитирован посмертно: Собрание: В 2 вып. М., 1988; Возвращенные имена: Сборник публицистических статей в 2 кн. М., 1989.

14. Попов Г., Аджубей Н. Память и "Память"? // Знамя. 1988, С. 188-201; Гордон Л., Клопов Е. Сталинизм и постсталинизм: необходимость преодоления. В сб. "Осмыслить". М., 1988, С. 460-496; Он же. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989.

15. Горбачев М. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.

16. Ионин Л. Обзор фильма Тенгиза Абуладзе "Покаяние". // Социологические исследования. 1987, №3, С. 62-72.; Шатров М. Дальше ... дальше ... дальше! // Знамя. 1987, №12; Ештушенко Е. Речь на съезде народных депутатов // Преподавание истории в школе. 1989, №1.

17. Симонов К. Глазами человека моего поколения: размышления о Сталине. М., 1990.

18. Гефтер М.Я. Сталин умер вчера... // Рабочий класс и современный мир. 1988, №1; Баткин Л.И. Возобновление истории // Иного не дано. Сост. Ю.Н. Афанасьев. М., 1988; Бордюгов Г. и Козлов В. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС 1988, №8, С. 15-23; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. М., 1988.

19. Андреева Н. Не могу поступиться принципами. // Советская Россия. 1988, 27 марта.

20. Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда, 1988, 10 апреля.

21. Касьяненко В.И. Об обновлении исторического сознания // Правда, 1988, 24 апреля.

22. Капустин М.П. От какого наследства мы отказываемся // Октябрь. 1988, № 4, 5; Козлов В., Хлевнюк О. Начинается с человека, М., 1988; Бутенко А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества? // Наука и жизнь. 1988, №4; Клямкин И. Почему трудно говорить правду? // Новый мир. 1989, №2

23. Иного не дано. М., 1988; Осмыслить культ Сталина. М., 1989. Сб. под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева; Антонов-Авсеев А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989, №1-6.

24. Селюнин В. Истоки. // Новый мир. 1988, №5, С. 162-189. Гордон Л., Клопов Е. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989; Комов Ю. Два лица революции // Аргументы и факты, 1989, №16; Волконогов Д. Триумф и трагедия М., 1990; Горинов М. Альтернативы и кризисы в период НЭПа // Вопросы истории КПСС. 1990, №1.

25. Лисичкин Г. Мифы и реальность / в сб. "Осмыслить культ Сталина". М., 1989.; Лацис О. Сталин против Ленина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.

26. Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988, № 11, 12; 1989, № 1, 2.

27. Руткевич М. Инерция против качества: Заметки социолога о перестройке средней и высшей школы. // Советская Россия, 1986, 24 октября; Кукушкин Ю., Леонова Л. Нужно ли знать историю? // Московская правда, 1986, 5 сентября; Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир. 1987, №6; Дзарасов Л. Работы непочатый край. // Московская правда, 1988, 31 января.

ИСТОРИЯ

28. Искандеров А.А. История и общество // Вопросы истории. 1986. №11.
29. Проблемы исторического образования // Преподавание истории в школе. 1988. №4, 5.
30. Материалы "круглого стола": Секция "Проблемы исторического образования" // Преподавание истории в школе. 1988. №12; С. 77-92; История в школе: Проблемы и суждения. "Круглый стол" в редакции // Учительская газета, 1988, 2 мая; Плоткин Г. Что ответу ученику? // Московская правда, 1988, 12 мая.
31. Историческое сознание в цифрах. // Преподавание истории в школе.
32. Программа реформирования и развития системы образования. М., 1992. С.17.
33. Учительская газета. 1989, 31 января; Проблемы исторического образования в школе: Материалы "круглого стола" // Вопросы истории. 1989. №1; Храпов В. Экзамен отменен – экзамен остается, как и вопрос о характере нашего исторического образования // Известия, 1988, 28 июля.
34. Ключкова Г.В. (интервью с зам. НИИ ОСО) // Правда, 1990, 31 января.
35. Учительская газета. 19 ноября. 1989; О концепции учебника: Материалы "круглого стола" // Преподавание истории в школе. 1989. №2. С. 3-4; Базын В. Учебники по истории: какими им быть? // Преподавание истории в школе. 1989. №1; Материалы "круглого стола" в редакции журнала. // История СССР, 1989, №3; Бахтина О. Отходить от стереотипов в историческом образовании. // Советская педагогика. 1989. №3. С. 25-29; Купцов В. Свое суждение иметь. / // Московская правда. 1989, 2 февраля.
36. Борисов Ю.И. История СССР: материалы к учебнику для девятого класса средней школы. М., 1989; Проблемы школьного исторического образования: Обсуждение концепции. // 1989. №6. С. 72-100.
37. Кораблев Ю.С., Федосов И.А., Борисов Ю.С. История СССР: учебник для девятого класса средней школы. М., 1989.
38. Справочник для поступающих в высшие учебные заведения в 1990 г. М., 1990, С. 388.
39. Кораблев Ю. Представляет автор. // Преподавание истории в школе. 1990. №1. – С. 150-154; Стенографический отчет "круглого стола" в ред. журнала // Преподавание истории в школе. 1990. №4. С. 7-30.
40. Учредительная конференция Всесоюзной ассоциации преподавателей истории. // Преподавание истории в школе. 1989. №5. С.3; Документы Всесоюзной творческой ассоциации преподавателей истории средних учебных заведений. // Преподавание истории в школе. 1990. №3, 5, 6.
41. Ремсев Н. Что же изучать: вопрос остается. // Преподавание истории в школе. 1990. №6; Пунский В.О. Преподавание истории в первые годы перестройки (полемиические заметки) // ПИВШ 1991. №1.
42. Кунцев Г. Чтобы постичь, нужно переосмыслить (Беседа с зам. пред. Гособразования СССР Г. Кунцевым) // Учительская газета, 1990. №22 (май). С.4.
43. Кревер Г. Оконцепция исторического образования // Преподавание истории в школе. 1990. №2. С. 118; Шувалова Н. Аргументы в поддержку... // Там же. 1990 №3; Элиасберг Н. Обсуждение концепции // Там же. 1990. №4. С.148.
44. Горипов М. Субъективные заметки об Октябрьской революции и социализме с СССР // ПИВШ. 1990. №6; Помогаев В. Научный социализм: от Маркса до перестройки // ПИВШ. 1990. №6; Пионова Р. Посмотрим правде в глаза // Учительская газета. 1990, 27 июля. С.8.
45. "Круглый стол" по итогам совещания "Перестройка обществоведческого и исторического образования в условиях государственного суверенитета" // ПИВШ. 1991. №3. С. 132-138.
46. Кузьмин А., Шафаревич И. Есть ли будущее у социализма? // Наш современник. 1991. №7; Бородай Ю. Тоталитаризм: хроника и лихорадочный кризис // Наш современник. 1990. №7.